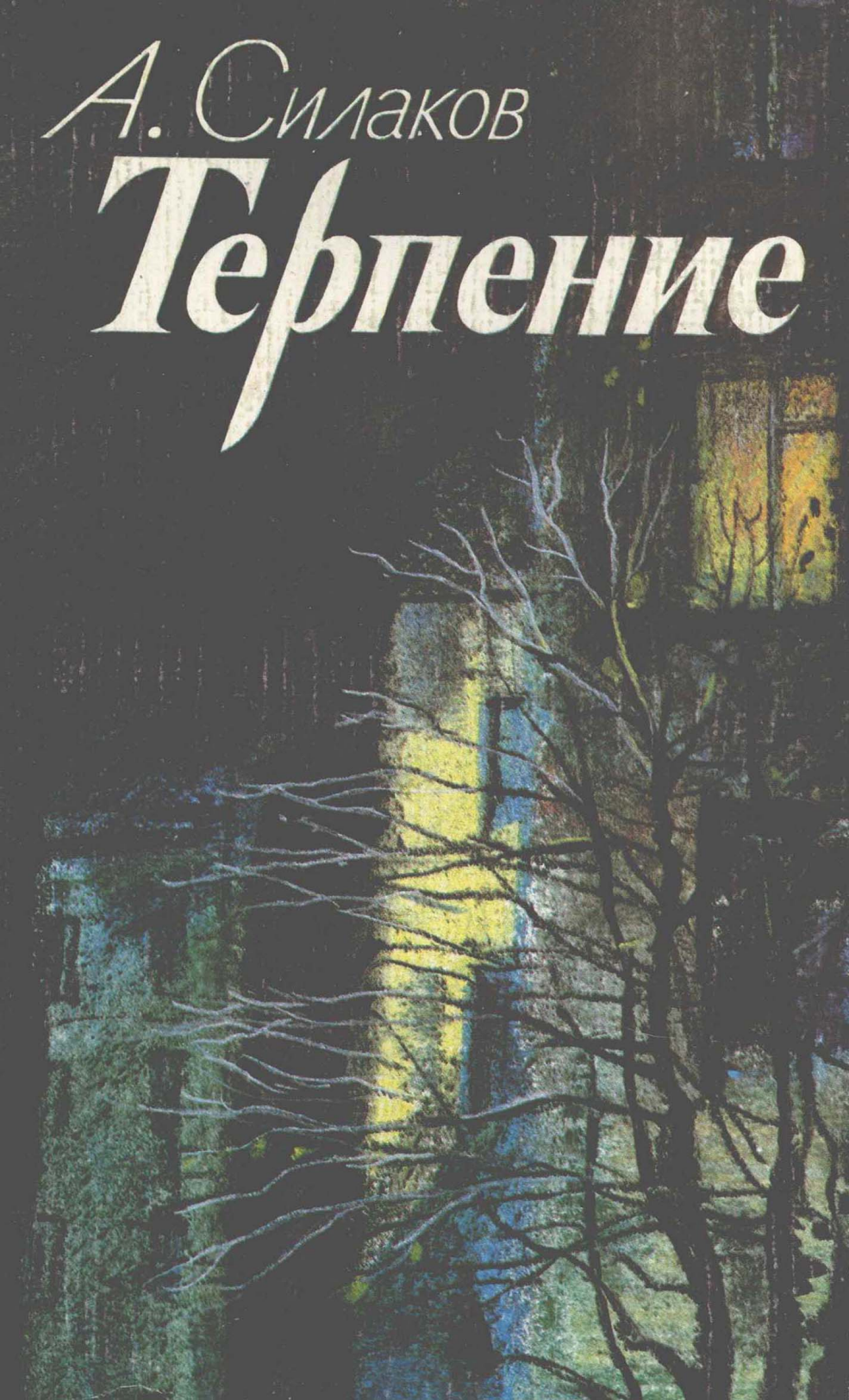

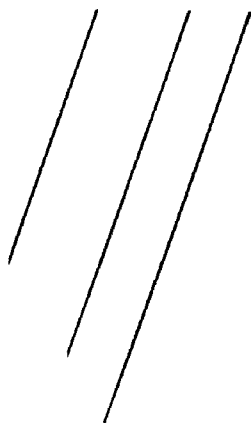
А. Силаков

Терпение

А. Симаков

Терпение

Роман

ЛЕНИЗДАТ • 1987

84.3(2)7
С36

С $\frac{4702010200-273}{M171(03)-87}$ 321-86

© Лениздат, 1987

Море играло мириадами серебристых переливов. Волны катали прибрежную гальку, с плеском бились о сваи пирса, вздымая россыпь жемчужных брызг. Говор моря доносился через открытую дверь балкона до стола с красным телефоном, на который нетерпеливо поглядывал Скандин. Ласковый голос моря сливался с голосами птиц.

С десятого этажа Скандин видел море будто с планера. Казалось, что легкий узкий корпус с широкими крыльями-балконами и вправду парил, если смотреть на небо, на белые мерно бегущие облачка.

И отроги гор позади, и зеленый луг справа, и чуть поодаль серебристое озеро со стаями чаек, и четкая лента шоссе — все тревожно и радостно наполняло сердце тем же ощущением крылатой легкости, что и год назад.

Солнце, море, горы, этот яркий телефон на дубовом столе, розовые шторы на окнах с трех сторон, два зеленых кресла с широкими подлокотниками, настольная лампа с абажуром-тюльпаном, даже мелкая паутинка трещин возле косяков на светло-голубых стенах его номера — ничто не изменилось за год.

И вместе с тем потрясающе, безвозвратно, навсегда все изменилось. Год назад в этом зеленом кресле сидела она. Сидела молча, чуть наклонив голову, раскидав пряди каштановых волос, будто прислушиваясь к песне солнечного моря и звонких птиц. И он сидел молча.

И вот больше она никогда не будет здесь. Никогда! А ведь если притвориться, закрыть на все глаза, простить... Притвориться — нет! Закрыть глаза — не в его правилах. Простить? Да он, по-существу, простил.

...Властно, прерывисто зазвонил телефон, так, что Скандин вздрогнул.

— Москву заказывали? Говорите!

— Здравствуй, Вера.— Голос его звучал, как натянутая струна.

— Здравствуй,— ответила она ровно, чуть глуховато.

— И вот я снова здесь. Представляешь, в том же номере, те же стены. И заставляю себя не думать, что тебя больше нет со мной.

— Ты все еще не успокоился?

— Неужели ты ничего не поняла? Что мы расстались — это хорошо. Пойми, говорит не ревность. Ведь ты уже начала понимать, что так и должно было стать.

— Тебе теперь какое дело,— она начала раздражаться,— опять о том же! Ведь все решено.— И вдруг каким-то новым, даже чуть задумчивым тоном она спросила: — А этот красивый старик с бородой Хемингуэя снова приехал?

— Нет. Хочешь, я дам его московский телефон?

— Не надо, конечно.

Он понял, старик здесь ни при чем. Она маскирует истинный интерес.

— Здесь мне вольготно, но я отдыхаю как обычно, с приключениями. Однажды чуть не утонул.

— Вот и хорошо.

— Вера, зачем ты злишься? Пойми, струна оборвана. Иначе случись все, как тебе думалось...

— У тебя сейчас противный голос.

— Ну не злись же! Что хорошо? Что я все-таки не утонул или то, что тонул?

Молчание. О, как она умеет молчать... Но потребовалось столько терпения, чтобы понимать ее молча-

ние. Однако все-таки он понял. Он добился. Он победил. Но ведь с любовью не воюют, победил он только тайну, с которой любовь неустойчива, как яхта в бурном море. И яхту все-таки перевернуло, он же спасся чудом. Теперь вот полный штиль. Как жаль, что бури нет.

— Вера, скажи, как ты живешь? Мне безразлично. Может, все-таки тот Команский тебя полюбит, хотя...

— Да, может! Я живу в общем хорошо,— неохотно ответила она.

Он почувствовал ложь. Он помнил, как она взбалмошно, мстительно, безрассудно бросилась тогда в «болото», думая, что это живительный родник. Но ведь он тоже безрассудно-неистово бросался в шторм. Тонуть в чистом море или выкупаться в болоте, где, конечно, труднее утонуть?! Погибают в шторме раз, а из болота просто выбираются, смывая грязь. Он долго молчал, мысли дробились, время шло.

— Неправда, что хорошо. Без меня?..

— Хвастун,— ответила она совсем миролюбиво,— ну ладно, скажи, зачем ты позвонил? Неужели думаешь...

— Не думаю. Зачем ты меня пытаешься унижить? Я позвонил лишь тебе сказать — сейчас я уже на границе.

— Что за бред? Ты не выпил?

— Ты все еще не умеешь меня слушать. Я на границе. С одной стороны передо мной зеленый луг и горы и дорога в родной Ленинград, дорога моей жизни. А с другой стороны — бушующая чужая мне стихия.

Он вновь представил мерно катящиеся гребни высоких волн, услышал их гневный рев. Вдруг опять почувствовал, как первая волна, чуть поодаль от берега, лишь покачивала его, когда он приближался к прибрежной гальке, а потом вдруг высоко подняла, перекатилась через голову, швырнула его к берегу.

Только он коснулся спасительного дна, как новая волна потянула его опять в пучину, и не успел он заглотнуть воздуха, сзади откуда-то взялась еще волна, более высокая, накатилась на него и унесла с рокотом под воду. Теперь он бился судорожно, что есть сил, чтобы докарабкаться до земли. Но море опять то приближало его к цели, то отшвыривало вглубь. Он выдохся, а сзади все так же ритмично накачивался но-

вый грозный вал. Волны изнуряли его, не давали передохнуть, опомниться. Потом волны перевернули его, изможденного, лицом вверх, и он увидел уже не берег, а небо, не зная, куда плыть.

...Когда, обессиленный, задыхающийся от соленой влаги, открыл глаза, он уже ничего не понимал. Наконец чьи-то сильные руки выхватили его и потянули. Когда он лег на гальку, долго не мог подняться на ноги от страха и бессилия. Он чуть не утонул, — смешно сказать, в каких-то десятках метров от земли.

— Зачем это мне рассказываешь, — спросила она, — чтобы опять похвастаться? Или... Впрочем, наверное, есть чем и похвастаться. Как дела нынче в твоих Глинах?

— Какие дела?

— Ну зачем ты туда ездил? Надеюсь, ваш бригадный подряд вы пробили с земляком-черепаном? Впрочем, зачем я спрашиваю? Ты же любишь повторять: когда за дело берется Скандин, случайностей не бывает.

— Да, я хвастаюсь, но не собой, а милостью судьбы. Не будем, Вера, о делах, хотя и есть о чем говорить сейчас. А тебе спасибо!

Она молчала. О, как она умела молчать!

— Мне страшно думать, — понимаешь, Вера, милая, какое счастье, что я не перешагнул границу. Я позвонил тебе, чтобы сказать об этом. Все выстрадав. А о делах потом.

— Ладно, как там погода? — спросила она совершенно ровно.

— Было солнце, а теперь наползают тучи.

— Там еще, наверное, тепло?

— Да, еще цветут наши розы.

— А на вершинах уже снег?

— Когда волн нет, — продолжал он свое, — цвет моря напоминает твои глаза.

— Заканчивайте разговор, — подала телефонистка мягкий голос.

— До свидания, — ответила она, как обычно не называя его по имени. — А за Команского наверняка я не выйду замуж. Сам знаешь почему. Хорошо, что позвонил.

I

Сначала всплакнул ребенок. Потом все громче и громче всхлипывала женщина. Она стояла, прислонившись к фонарному столбу, с безвольно опущенными тонкими загорелыми руками и стонала:

— Боже, что теперь мне делать? Что делать?

— Поехали со мной в главк. В первую очередь вам и дочери надо поесть.— Скандин с усилием улыбнулся.— У нас хорошая столовая.

— Вы же слышали, у меня нет ни копейки.— Женщина виновато, сквозь слезы тоже улыбнулась, от чего на ее лице расправились морщинки и оно выглядело уже не таким отчаявшимся.

— Но я знаю и другое. Вы давно, наверное, не ели.— Василий замахал рукой — такси в переулке затормозило.— Садитесь! — почти приказал он и, осторожно взяв девочку лет пяти за плечо, открыл дверцу.— Быстро и без разговоров.

— Какой у вас громкий голос. Можно испугаться,— сказала женщина, немного успокоившись в машине,— вы, случайно, не милиционер переодетый?— Она опять улыбнулась, теперь совсем приветливо.

— Я немножко социолог, и, кстати, действительно случайно.

— Мама, гляди, какие кони вороные и сильные! Их дяди еле держат,— радовалась девочка, когда они проезжали по Аничкову мосту. От былых слез не осталось и следа.

— Приехали. Вот и прокатил тебя на вороных, малышка,— впервые подал голос шофер, приподняв повеселевшего ребенка под руки.

Они остановились напротив строгого красивого здания с массивными дверями.

В столовой, действительно хорошей, уютной, Скандин и незнакомка молчали, каждый по своим причинам. Вероятно, она,— обескураженная тем, что этот широкоскулый, громкоголосый человек назвался столь загадочно — социологом. А он сострадательно поглядывал то на проголодавшуюся девочку, то на мать, хотя та ела все же степенно, медленно, про себя обдумывая, как же быть дальше.

Дверь открылась. В проеме появился высокий, могучего склада седой мужчина с большой залысиной.

— Корнелий Иванович, здравствуйте, вы уже из больницы? Ведь вы легли только позавчера,— изумилась официантка и тут же спохватилась: — Однако что будем обедать?

То же изумление мог бы высказать и Скандин, молча поздоровавшийся с этим богатырем.

— Таня, мне, как всегда, на первое борщ, на второе шницель пожирнее,— ответил своим неторопливым голосом вошедший.

— Пожирнее? Корнелий Иванович, у вас же почки не того,— возразила официантка.

— То же самое говорили и в больнице. Вот почему я и убежал оттуда.

— Это уже несерьезно,— заметил Скандин,— надо себя беречь.

— Надо план беречь от провала. Сегодня ведь двадцать седьмое число, а у ваших подопечных в Глинах с выполнением никакого просвета, так-то, мой куратор.— Корнелию Ивановичу явно не нравились излишние знаки внимания к его персоне.

Все ели молча. Только девочка щебетала:

— Ой, да у вас, дяденька, на пиджаке звездочка. Она золотая?

— Ух ты, какая шустрая! Откуда?

— А я из Одессы. Мы с мамочкой приехали в самый главный Институт Отта. Вот!

Корнелий Иванович переглянулся со Скандиным. Видимо, понял, что неспроста оказалась посторонняя женщина с ребенком в столовой Главсевстроя. Женщина тоже поняла этот взгляд. Хотела что-то объяснить: сама манера поведения этого солидного человека как будто требовала объяснений, но не решилась.

— У них чепэ, Корнелий Иванович,— помог Скандин, а сам озадачился: вдруг начнет расспрашивать?

Но начальник главка, встав из-за стола, бросил коротко:

— Закончите обедать, Василий Семенович,— зайдите.

Как только Василий закрыл за собой дверь кабинета, Тверской сказал нетерпеливо:

— Рассказывайте. Они вам кто?

— Никто. Подобрал на улице. Привез к нам накормить.

— Разве в Ленинграде других столовых мало?

— Хватает. Да у них ни гроша.

— Обокрали в дороге?

— Не совсем. Когда мать с ребенком садилась в троллейбус, у нее на плече висела модная сумочка с длинным ремешком. Дверь прищемила ремешок, сзади нажали — ремешок лопнул. В суматохе не сразу сработало, что к чему.

— Это бывает, — улыбнулся Тверской.

— Тут не до смеха, — Скандин сдвинул брови, — когда троллейбус остановился, оторванной сумочки на тротуаре уже не было.

— Значит, сознательные граждане отправили находку в милицию, — пошутил Тверской.

— Представляете, Корнелий Иванович, и такое невероятное бывает очевидным. Ведь случай на глазах у сотен ленинградцев, среди бела дня, в центре города. Даже если сумку нашел плут, он поневоле честно поступит, — тоже с юмором ответил Скандин.

— Понятно. А в сумочке и были все ее деньги?

— Не только. Там лежали паспорт, направление ребенка на лечение в институт. Справка с места жительства.

Теперь зашевелились брови у Тверского.

— И что же?

— Обедать и жить в гостинице гражданке не на что. В институт ребенка без документов не возьмут.

— Вот уж вправду говорится: без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек. Однако дело хуже затвердевшего бетона.

— Именно, Корнелий Иванович, затвердело наглухо. Хотела ехать обратно, — не ночевать же с ребенком на вокзале. Обе голодные. Вот таких, со слезами на глазах, я и нашел в Свечном переулке. И привез сюда, накормил. А дальше делать что? Думаю за свой счет устроить пока в наше общежитие для приезжих.

— В общежитие, — это правильно. Накормил, — это тоже хорошо. Закажи с Одессой разговор по их адресу срочно. А остальное я сам. Что-нибудь организуем.

— Скажите, а из больницы и вправду вы убежали? Ведь, если серьезно, у вас же камни в почках.

— Не камни, а песок. И не убежал, а ушел. Чинно, тихо через вторую дверь в туалете, а потом сна-

ружи по автомату вызвал своего «всепогодного» Володю, он меня сюда на колесах прикатил.

— Лучше бы вам, Корнелий Иванович, обратно в палату. Мы без вас всё будем прокручивать, что надо.

— Лишнее, — морщась, ответил Тверской. — Смотри, как бы самому руку не скрутили. Кто вы такой, симпатичный социолог с миндальным профилем? Подозрительная личность, играющая роль рождественского благодетеля! То-то, — он усмехнулся, — скажите лучше, куратор-социолог, как настроение у Булякова-младшего, что думаете там предпринять? Ведь дело дымом пахнет. И к тому же может ему нагореть. Не думайте, не забылся разговор в кабинете инструктора обкома. В обкоме разговоры у Ивана Владимировича не забываются, особенно если они запротоколированы. Ленков, спец все-таки и величина министерского значения, сказал тогда на совещании, что состройкой афера затевается, ничего у Булякова не выйдет, а Буляков и пробасил: «Сделаем на основе бригадного подряда. Сделаем — и точка».

— Однако Ленков и Буляков все равно что рыба-кит и килька, — вздохнул Скандин. — Да, заварилась каша. Но Иван Владимирович не из тех работников аппарата, кто кашу молча расхлебывает. Ведь он поддерживал нашего прораба Булякова. Вот с тех пор и меня трясет дорожка в Глины каждую неделю. Зато Ленков в московском чиновном кресле сидит себе спокойно, не трясется?

— Это только кажется, — хмыкнул Тверской, — мне думается, он тоже чувствует кое-какую вибрацию. Впрочем, отвлеклись... А женщине с ребенком надо бы сегодня же помочь. Ну все? — спросил он и встал из-за стола, не дожидаясь ответа.

После обеда официантка Таня не отпустила горемык в общежитие, пока те, скоротав время в пустой шоферской комнате за телевизором, не поужинали.

— Вот вам деньги, — сказал, придя к ним, остроглазый, веселый шофер Тверского Володя. — Вот вам ключи от комнаты в наше общежитие. Завтра поедете на прием в Институт Отта, а сейчас — за мной. Велено подбросить вас на поселение.

Девочка запрыгала, хлопая в ладоши:

— Мама, мамочка, я говорила, что тот дядя со звездой добрый? Говорила?

Мать девочки и вовсе обмякла:

— Боже мой, есть же у нас люди...

А секретарь Тверского Людмила Николаевна в тот же вечер вызывала «скорую» для Корнелия Ивановича.

* * *

Скандин познакомился с Тверским сразу после демобилизации. На груди начальника главка не было тогда еще золотой медали Героя Социалистического Труда и двух знаков лауреата Государственной премии. Первую награду он получил за то, что вместо сборных крыш разработал целые железобетонные шатры — пространственные конструкции. Чудо-шапками называли их строители. Не надо ни балок, ни промежуточных опор, надел такую «шапку» сразу на все помещение, и точка. Это особенно практично, к примеру, для гаражей. И красиво к тому же.

Всякий раз, когда Скандин входил в огромный гудящий зал Финляндского вокзала, он невольно поднимал глаза на высокий свод — четыре десятка метров в поперечнике перекрыли одной оболочкой. Не только ленинградцы, но пассажиры и гости из других стран изумлялись смелости и дерзости строителей. А экономисты занимались статистикой. Главк смонтировал десятки тысяч квадратных метров таких легких крыш. Страна сэкономила тысячи рублей.

«Легко подсчитать, легко смотреть на все готовенькое, — думал Скандин. — А каково все это было обмозговать и организовать! Ведь именно организация и лишь организация поднимает дух и силы рядовых работников. И сколько же сил этих у самого Тверского! Сколько у него терпения!»

Именно за прекрасно организованное дело Тверской получил вторую награду. Любому строителю понятно, что почти каждый новый блок, каждую новую балку, прежде чем монтировать, надо проверить, испытать ее на разрыв, на сжатие. Да и как испытать! Если в изделии окажется какая трещинка или раковина? Если балка рухнет, что тогда?

Так что очень серьезная это штука — проверка качества железобетона. Теоретически давно вроде бы нашли разные средства, чтобы избежать канители, ломки и грохота проверяемых балок. А вот как идею к делу подвести — не получалось.

Тверской же собрал вокруг себя волонтеров, которые не только теоретически, но и практически освоили новый, бесшумный, неразрушающий балки способ контроля. «Мирный атом», как банально говорят в прессе, без грохота и треска стал пробивать любую толщу бетона, прощупывать и находить любые изъяны в нем. Привезли новую установку прямо на стройплощадку. И никаких забот: не приходится таскать многотонные машины в строительные лаборатории, а прямо на месте бесхлопотно можно проверять бетон. Шутка ли сказать, не надо ворочать в год тысячи кубометров стройдеталей по далеко не идеальным дорогам.

...Вот чему удивлялся все время Скандин, и удивлялся еще и потому, что Тверской, возясь с новаторскими идеями день и ночь, никому ни разу не пожаловался на здоровье. Он уходил из главка в десять вечера, а в восемь утра являлся на работу.

— А что жаловаться, — как-то простодушно говорил он сослуживцам, — от нудных слов душа хиреет. Ученые говорят, что от унылой музыки даже цветы вянут. Я знаю, один человек все жаловался на свое здоровье, дескать опасная болезнь у него. И заболел.

— Жаловаться все же нужно, Корнелий Иванович, — возразил ему Скандин, — я имею в виду не нытье, конечно. Хорошо, если человек посетует о боли телесной человеку, который захочет его понять.

— Я думаю, если это действительно искренний собеседник, тогда на пользу, а если из вежливости — ни к чему.

— Понимаю. «Если боль других твоей не станет, прожита напрасно жизнь твоя».

— То-то я завел в штате социолога, — ухмыльнулся Тверской. — Впрочем, такого по табелю не числится, по табелю ты просто инженер на стройке в Глинах. Пристроил, так сказать.

— Так ведь у вас эксперты по табелю тоже не числятся. А в главке собрали целое бюро, ни много ни мало двадцать душ, — засмеялся, прищулив острые зеленые глаза, Скандин, — и куда ревизоры смотрят?

— Сначала ревизоры смотрели исподлобья, даже акт в министерство настрочили, меня на бюро райкома вытащили...

— И что?

— Известно что. Там чуть было не вкатили выговор, потом ограничились «поставить на вид».

— А теперь как?

— А теперь секретарь райкома заступился. Он знает меня давно как руководителя, доверяет, видимо. Двадцать моих пенсионеров без затрат металла, цемента, кирпича дают по экспертизе программу строительного треста, вот как!

— Что это у вас за факиры завелись, — сидя за столами, сотни тысяч выдают?

— А представьте себе, один из них действительно факир. Вы сами летчик, неужели не слышали про нашего Иванова, что всю войну воевал, три раза падал с самолетом, остался цел и к тому же мотор своими руками на истребителе новый поставил?

— Ну это я слышал...

— Ну а то, что он волевой человек, занимается к тому же аутотренингом который год? Вы небось все-му этому не верите?

— Почему? Чудеса на свете есть. Отрицать не утверждать, ломать не строить. Но вот как это у вас двадцать пенсионеров экономию в масштабе треста проворачивают?

— Очень просто. Проверяют сметную стоимость каждого объекта. Находят излишки. Вот таким манером и наскребли несколько миллионов рубликов. А тебя, ты думаешь, — он переходил вдруг с «вы» на «ты» и наоборот, — думаешь, зря держу? Хотя социологи в институтах и не дают экономию в рублях, но зато эта психологическая штука о настроении в деле тоже, понимаете ли, весьма экономичная.

— Ну, Корнелий Иванович, а ведь тут есть риск.

— Я не боюсь. Грозил наказанием за самоуправство с бюро экспертизы, а теперь взыскание сняли. Поэтому, как дело увидели. А кто не видит, по-другому действуем. Не хотят помочь — заставим, не умеют — научим. Это всех касается. Надо не жалеть себя. Но не о тебе в данном случае речь..

...Из управления городской милиции на другой день позвонили и сообщили, что сумочку с оборванным ремешком нашли. Вернее, ее подкинули. И все документы оказались целыми, а денег оставили, видимо, только на обратную дорогу. Обрадованная одесситка так благодарила Скандина и Тверского, так уговаривала их приехать в санаторий, где она работает заместителем директора, что Василий наконец пообещал:

— Приеду. Тем более в Одессе теперь моя жена отдыхает.

II

Светлый тонкий туман струился над Вуоксой. Он застрял где-то в ветвях прибрежных ольх и берез. Неяркое солнце ласкало лес, гнало прочь ночную сырость. Какая-то птица летала высоко, казалось — вот вот заденет подсвеченное розовыми лучами облачко, а потом вдруг спускалась.

Камыши стояли устало, тихо. Они будто отшумели после летних веселых ветров. Им словно что-то снилось этим августовским утром про былые звонкие трели птиц, про запахи и звуки зеленеющего леса, которые приносил им ветер.

Когда-то на этом каменистом берегу, возле небольшого островка, Василий таскал окуней, некрупных, но шустрых, красивых в своем радужном наряде. А сегодня почти не клевало. Даже не хотелось думать почему, чтобы не портить себе настроения.

Однажды зимой он видел, как приехали на тракторе и санях к этому островку шумные рыбаки в оранжевых комбинезонах. Электробурами сразу просверлили почти половину озера, завели под лед здоровенный невод и выгребли лебедкой на берег все живое и даже камни. Техника сделала свое черное дело. Выбросили на лед всю мелюзгу, а взяли только крупных щук. Центнеры серебристых рыбок долго трепетали на морозе, прежде чем замерзнуть.

— Что вы делаете, варвары, зачем молодь губите, — возмущался Скандин, — разве не читали закона об охране природы?

— Дуй, мужик, отсюда, не мешай работать. Нам нужен план, а не закон.

— У вас что, запланировано выловить и выбросить? Это же тихое вредительство, такой частой ячейкой неводить!

— Ну-ну, ты полегче в выражениях. Чай, сознательные, газеты читаем, телевизор смотрим. А что невод с частой ячейкой, так пусть начальство думает. Нам что выдают, тем и рыбачим.

И Василий задумался: «Если рассудить, ведь невод у них не свой, председатель артели им такой выдал. И что молодь на льду пропала, возможно, в том

только часть вины рыбаков, потому как ту рыбешку в других местах брали на корм лисам в зверосовхозы, а лисий серебристый мех дороже рыбьего серебра. Вот и выходит — все имеет два конца. Так что же: все понять — значит все простить? О нет! Надо все понимать, чтобы действовать, а не руки безвольно опускать. Вот по Ленкову получается, что новые установки пока нельзя строить для цемента, поскольку они имеют глубокие фундаменты. А как такие глубокие фундаменты сооружать без специальной техники для них?

...В войну, бывало, летчик прилетит с задания — центроплан разбит, на фюзеляже десятки пробоин, винт погнут — невозможно к самолету подступиться. Как без специальных мастерских, без стендов, без сварки такую технику чинить? А вот по-фронтовому, по-боевому оружейники и механики управлялись. И штурмовик снова шел в бой. Вот и с цементной установкой по Ленкову — одно, а по Булякову — другое. Чувствуется, что этот боевой прораб не зря тоже летал на самолетах, правда посильнее и посложнее, чем в войну.

Так что с установками он управится. Не зря Тверской говорит: „Все одолеется, если повозиться здорово”».

...Легкая рябь пронеслась по озеру. Чайки покружились над лодкой, снова улетели куда-то за камыши. Не клюет. Только пару окуньков и добыл с раннего утра. Похоже на то, что за пару хороших окуньков скоро начнут чеканить медали. А когда-то на зорьке он вылавливал по два десятка и Мария Николаевна, хозяйка дома на хуторе, где останавливался Скандин, всплескивала руками, встречая его с увесистым уловом: «Ну, рыбак, а где мне взять кастрюлю для такой ухи?» Когда-то... Всего несколько лет тому назад. Тогда старушка была еще подвижная, юркая. Мигом принесет дрова, затопит печь, сама выпотрошит рыбу. А вчера весь день она провалялась, постанывая, на кровати. На болезнь не жаловалась, но здорово сдала. Время!

Десять лет ездит он в этот тихий зеленый уголок Вуоксы. Приедет дней на пять, сначала с жадностью набросится на удочки, нетерпеливо схватит в охапку весла, выйдет на облюбованное место и радуется не нарадуется, как только красный поплавок

нырнет под воду, как только затрепещет в его руке рыбина.

Но проходят дни. И каждый из них потихоньку уносит радость. Тихо, незаметно, но уносит! И кажется уже не таким залив, отороченный бахромой изумрудных елей. Не так свежо дует ветерок. Не так восторженно щебечут птицы. Самое удивительное, даже подчас трепетное повторение радости постепенно как бы заносит налетом ржавчины. «Какой я неустроенный и нетерпеливый человек, — ругал себя Василий. — Иные дачники в этом блаженном тихом уголке живут без рыбалки, без лодок, просто бродят по лугам, по лесу. Они просто дышат, едят, пьют — и довольны». А Скандин уже через пяток дней понесся туда, откуда приехал. Никак он не может, а точнее, не хочет приказывать себе терпеть однообразие. Да и надо ли это? Человек всю жизнь должен идти вперед, пока не упадет. Остановилась вода в реке — и река исподволь зарастает тиной. Заведутся в ней разные пауки, жуки, лягушки. Так и человек: остановился, осел на месте, погасил желания, думает, поживет в покое, — и вот выползают пиявки.

«Все это так, — рассуждал он, со скукой поглядывая на поплавок. — Но вот что интересно: проходит время и опять тянет меня сюда. Опять зовет дорога. Время разгоняет память о всех скуках, кристаллизуя память радостей. Ведь были же минуты, а иногда и часы большого клева. Ведь были же не пасмурные, а золотые дни. К тому же настоящий рыбак вообще неисправимый непоседа».

...И тут течение его мыслей остановило подергивание поплавка, который нырнул и лег плашмя.

«Определенно лещ! — От радостного нетерпения у него даже задрожала рука с удилицем. Рванул, жилка туго заходила. — Только не спешить, только не горячиться». Вот показалась темная голова рыбины, блеснул здоровенный серебристый бок. Надо дать ей глотнуть воздуха, и тогда легче подвести леща к лодке. Но как такого затащить прямо через борт? На жилке не вытянуть, сорвется, а сачок по обыкновению он не взял. Попробовал выволочь его поближе к лодке и ухватить за жабры. Но лещ все же вырвался, не дал взять за голову.

И вот, сильно разогнув хвост, рванулся с крючка и медленно, будто торжествуя, удалился вглубь...